

891.7
с 87.

ПЕТРЪ СТРУВЕ

СТАТЬИ
О
ЛЪВЪ ТОЛСТОМЪ

РОССИЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ — 1921

303261

Ред.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ	
I. Смыслъ жизни.	3
II. Смыслъ смерти.	35
РОКОВЫЕ ВОПРОСЫ	39
СМЕРТЬ ТОЛСТОГО И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО. . .	50

ВЪ РУССКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ЭК

891.7

с 87

ПЕТРЪ СТРУВЕ

1944 г.

СТАТЬИ
О

ЛЪВЪ ТОЛСТОМЪ

04450

АРХИВ

lib

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

303261 П

РОССИЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СОФІЯ — 1921

0

891.71

RECEIVED

RECEIVED

1892

Статьи о Львѣ Толстомъ.*)

І. Смыслъ жизни.

Было бы странно и пошло ознаменовывать восьмидесятилѣтіе Льва Толстого панегириками или даже фактическими справками о томъ, что сдѣлалъ за свою богатую творчествомъ жизнь великій писатель. Панегирики не нужны читателямъ, еще менѣе нужны они самому „юбиляру“, а всякая фактическая справка дастъ меньше того, что, въ сущности, знаетъ о Толстомъ даже средній читатель, и кромѣ того потонетъ въ необозримой литературѣ, имѣющейся о Толстомъ и его произведеніяхъ. Но, быть можетъ, не лишнее попытаться оцѣнить, въ чемъ значеніе и смыслъ дѣятельности Льва Толстого съ самой общей точки зрѣнія, какія про-

---

*) Эта характеристика представляетъ соединеніе двухъ статей: одной, написанной по случаю 80-тилѣтія Толстого (*Русская Мысль*, 1908 г. августъ), и другой, написанной подъ впечатлѣніемъ его смерти (*Русская Мысль*, 1910 г. декабрь) и произнесенной въ засѣданіи Спб. Религіозно-философскаго Об-ва, посвященномъ памяти Толстого.

блемы культуры ставить и углубляет эту дѣятельность. Всякая такая попытка неизбежно обречена быть субъективной и отрывочной. Пишущій эти строки ясно сознаетъ такой характеръ предлагаемыхъ размышлений и проситъ у читателей напередъ снисхожденія.

1.

Исторія русской литературы знаетъ не одного, не двухъ и не трехъ великихъ писателей. Но въ ней есть только три громаднхъ явленія: Пушкинъ, Достоевскій и Толстой.

Пушкинъ первый великій русскій писатель. И тѣмъ только однимъ, что онъ жилъ, онъ произвелъ цѣлую культурную революцію. Въ то же время Пушкинъ — самый широкій и могущественный изъ русскихъ писателей — есть живой образъ творческой гармоніи. Есть что то для русской культуры пророчески — ободряющее въ томъ, что именно этотъ спокойный великанъ стоитъ въ началѣ русской національной литературы. Онъ какъ бы разъ навсегда показалъ, что русскій духъ не враждебенъ искусству и красотѣ.

Достоевскій громаденъ, какъ психологическая загадка и какъ моральная проблема.

Въ его изъязвленной душѣ Богъ и Дьяволъ вели вѣчную борьбу. Громадность и единственность Достоевскаго и состоятъ именно въ томъ, что въ немъ загадочно равны были элементы божескій и дьявольскій, сила Добра и Зла (и при томъ въ широчайшемъ ихъ толкованіи, включающемъ въ себя даже самое позитивное пониманіе). Борьба съ Богомъ и за Бога была внутри Достоевскаго, въ самыхъ глубочайшихъ глубинахъ его личности. Она была не только не позой, но даже не просто фактомъ его литературнаго и умственнаго развитія. Она была его натурой. Достоевскій былъ живымъ выраженіемъ той „непобѣдимой противоположности между Богомъ и человѣкомъ“, о которой говоритъ Паскаль. Слабымъ подобіемъ Достоевскаго въ этомъ отношеніи въ западной литературѣ является Оскаръ Уайльдъ. Ницше же борется съ Богомъ литературно или, если угодно, идейно. *Натура* Ницше — это отличаетъ его отъ Достоевскаго — богоборчество совершенно чуждо.

Громадность Толстого, какъ явленія русской культуры, совершенно въ другомъ.

Толстой, какъ извѣстно, посвятилъ вопросу объ искусствѣ специальное сочиненіе. Оно, думается мнѣ, проливаетъ больше свѣта на личность Толстого, чѣмъ даже его автобіографическія произведенія.

До начала 80-хъ г. г. можно было спрашивать: кто такой Толстой? Теперь передъ всякимъ изъ насъ вопросъ ставится иначе: *что такое Толстой?* Каковъ смыслъ этого громаднаго явленія русской культуры?

Прежде, до религіознаго переворота, съ нимъ происшедшаго, Толстой былъ великимъ русскимъ писателемъ. Но послѣ Пушкина появленіе великаго русскаго писателя уже не обозначало никакого культурнаго поворота и не заключало въ себѣ никакой загадки.

Случилось, однако, нѣчто такое, чему нѣтъ примѣра въ исторіи міровой культуры. Мошный художникъ сталъ борцомъ противъ красоты.

Гете сказалъ однажды:

„Кто владѣетъ наукой и искусствомъ, у того есть религія. У кого нѣтъ ни науки, ни искусства, да будетъ тому дана религія.“

Гете не предвидѣлъ, что можно, „имѣя“ искусство, ради религіи отвернуться отъ него и возстать на красоту. Это, казалось бы, невозможное и даже немыслимое дѣло совершилъ Левъ Толстой. Въ этомъ его громадность и единственность, какъ мірового культурнаго явленія. Борцовъ противъ искусства и красоты было не мало до Толстого. Но нѣтъ другого примѣра въ исторіи

міровой культуры, чтобы эту борьбу предпринялъ гениальный творецъ въ искусствѣ. Толстой въ самомъ себѣ, въ своей *личности и жизни* воплотилъ противоборство Красоты и Добра въ здѣшнемъ мірѣ. Художникъ, которому, въ его творествѣ, дано было соединить величайшую лирическую тонкость и сложность въ выраженіи душевныхъ движеній съ эпической, чисто гомеровской изобразительностью всего „внѣшняго“ въ мірѣ, художникъ-властелинъ отрекся отъ искусства и сталъ борцомъ противъ красоты. Не будемъ затушевывать и скрывать отъ себя это противоборство *Красоты и Добра* въ личности и жизни отошедшаго гениа. Ибо именно въ этомъ противоборствѣ значеніе Толстого, какъ громаднаго и единственнаго факта міровой культуры и религіозной исторіи. Толстой самъ сказалъ: „чѣмъ больше мы отдаемся красотѣ, тѣмъ больше удаляемся отъ добра“.

Онъ не на словахъ и даже не въ мысляхъ, а въ самой жизни воплотилъ величайшую метафическую и религіозную загадку: что такое *Красота* въ отношеніи къ *Добру*? Есть ли Красота, такъ какъ мы ее *чувственно* воспринимаемъ, — „красота человѣческаго тѣла“ и „пріятныя на видъ зданія“, красота „пани-

хиды",*) красота звука и слова, красокъ и линий, есть ли тѣлесная, чувственная красота выраженіе начала божественнаго, принадлежитъ ли она къ „живому одѣянію Божества“, имѣетъ ли она религіозное значеніе и оправданіе? Или красота есть начало низменное и злое, есть просто „то, что намъ нравится“, есть лишь красивое слово для грубаго факта нашихъ пристрастій и похотей.

Это есть вѣковѣчная загадка „Плоти“ и „Духа“, перенесенная какъ бы на какую-то высшую ступень, духовно утонченная до противоборства „Красоты“ и „Добра“. Міровое значеніе Толстого не въ томъ, что онъ задалъ эту загадку, а въ томъ, что задалъ ее онъ, творецъ-художникъ, который самъ когда то написалъ пантеистическую поэму, гимнъ божественной красотѣ природы („Казаки“).

Въ враждебномъ разъединеніи добра и красоты обнаруживается тотъ основной фактъ, что Толстой, какъ мыслитель, совершенно лишенъ всякаго метафизическаго воображенія. Красота, какъ проявленіе Божества, для него не существуетъ; скорѣе она для него сила дьявольская.

Отсутствіе у Толстого всякаго метафизическаго воображенія обуславливаетъ собой

---

*) Ср. статью И. Ф. Наживина о его бесѣдахъ съ Толстымъ, *Русская Мысль*, декабрь 1910 г.

и полное отсутствіе поэзіи въ его религіи. Его религія лишена лучей, красокъ, свѣта, лишена видѣнія лицъ и жизни.

Онъ не вѣритъ ни въ какіе религіозные миѳы и не находится въ плѣну ни у какихъ догматовъ. Метафизическая концепція его религіи хотя и не выработана, но очень широка. Въ этихъ отрицательныхъ опредѣленіяхъ религія Толстого сближается съ религіей Гете. Но Толстой, для котораго идея личнаго Бога непонятна,*) былъ бы такимъ же пантеистомъ, какъ Гете, если бы онъ любилъ Бога-Природу, если бы въ немъ была сильна не только покорность нравственному приказу Бога, но и то страстное притяженіе къ „живому одѣянію божества,“ которымъ Гете былъ весь пронизанъ.

Было время, какъ я уже сказалъ, когда и Толстой постигалъ красоту и любилъ Бога-Природу.

А Толстой нашихъ дней въ основу всей своей оцѣнки искусства положилъ разъединеніе Добра и Красоты.

„Добро, Красота и истина ставятся на одну высоту, и всѣ эти три понятія призна-

---

*) „Молитва обращается къ личному Богу не потому, что Богъ личенъ (я даже знаю навѣрное, что онъ не личенъ, потому что личность есть ограниченность, а Богъ безпредѣленъ), а потому, что я личное существо“. („Мысли о Богѣ“).

ются основными и метафизическими. Между тѣмъ въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго. Добро есть вѣчная высшая цѣль нашей жизни. Какъ бы мы ни понимали добро, жизнь наша есть ни что иное, какъ стремленіе къ добру, т. е. къ Богу. Добро есть дѣйствительно понятіе основное, метафизически составляющее сущность нашего сознанія, понятіе, не опредѣляемое разумомъ.

„Добро есть то, что никѣмъ не можетъ быть опредѣлено, но что опредѣляетъ все остальное.

„Красота же, если мы не довольствуемся словами, а говоримъ о томъ, что понимаемъ, — красота есть ни что иное, какъ то, что намъ нравится.

„Понятіе красоты не только не совпадаетъ съ добромъ, но скорѣе противоположно ему. такъ какъ добро большей частью совпадаетъ съ побѣдой надъ пристрастіями, красота же есть основаніе всѣхъ нашихъ пристрастій.

„Чѣмъ больше мы отдаемся красотѣ, тѣмъ больше удаляемся отъ добра.“

Возражая тѣмъ, кто говоритъ о духовной красотѣ, Толстой замѣчаетъ: „подъ красотой духовной или нравственностью разумѣется не что иное, какъ добро. Духовная красота или добро. большею частью не только

не совпадаетъ съ тѣмъ, что обыкновенно разумѣется подъ красотой, но противоположна ему. *) („Что такое искусство“, изданіе „Посредника“ М., 1898, стр. 60).

Вѣковѣчная проблема соотношенія между Красотой и Добромъ никѣмъ, быть можетъ, въ исторіи человѣчества не была поставлена съ такой трагической рѣзкостью, какъ Толстымъ. Отрекшись отъ своихъ художественныхъ произведеній, предавъ анафемѣ почти все искусство, Толстой съ новой силой задалъ человѣчеству эту загадку.

Было, однако, время, когда онъ понималъ, что вообще во всякой широкой перспективѣ самая проблема Добра и Зла есть загадка для человѣческаго ума.

Въ 1857 году онъ написалъ такія строки, которыя теперь въ устахъ Толстого звучали бы дико:

„Несчастное, жалкое созданіе — человекъ со своей потребностью положительныхъ рѣшеній, брошенный въ этотъ вѣчно движущійся, безконечный океанъ добра и зла, фактовъ, соображеній и противорѣчій. Вѣ-

---

*) Тамъ же (стр. 57) сужденіе о грекахъ, „полудикомъ рабовладѣльческомъ народѣ, очень хорошо изображавшемъ красоту человѣческаго тѣла и строившемъ пріятныя на видъ зданія“, они „были такъ мало нравственно развиты, что добро и красота имъ казались совпадающими и на этомъ отсталомъ міровозрѣніи грековъ построена наука — эстетика“.

ками борются и трудятся люди, чтобы отодвинуть къ одной сторонѣ благо, къ другой — неблаго. Проходятъ, вѣка и гдѣ бы что ни прикинулъ безпристрастный умъ на вѣсы добраго и злого, вѣсы колеблются и на каждой сторонѣ столько же блага, сколько и неблаго. . . . Если бы только онъ (человѣкъ) понялъ, что всякая мысль и ложна, и справедлива: ложна — односторонностью, по невозможности для человѣка обнять всю истину, и справедлива — по выраженію одной стороны человѣческихъ стремленій. Сдѣлали себѣ подраздѣленія въ этомъ вѣчно движущемся безконечномъ, безконечно-перемѣшанномъ хаосѣ добра и зла, провели воображаемыя черты по этому морю и ждутъ, что море такъ и раздѣлится. Точно нѣтъ миллионовъ другихъ подраздѣленій совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, въ другой плоскости. Правда, вырабатываются эти новыя подраздѣленія вѣками, но и вѣковъ прошли и пройдутъ миллионы. Цивилизація — благо, варварство — зло; свобода — благо, неволя — зло. . . . У кого въ душѣ такъ непоколебимо. . . . мѣрило добра и зла, чтобы онъ могъ мѣрить ими бѣгущіе, запутанные факты? У кого такъ великъ умъ, чтобы хотя въ неподвижномъ прошедшемъ обнять всѣ факты и взвѣсить ихъ. И кто видѣлъ такое состояніе, въ которомъ бы не

было добра и зла вмѣстѣ, и почему я знаю, что вижу больше одного, чѣмъ другого, не отъ того что стою не на настоящемъ мѣстѣ? И кто въ состояніи такъ совершенно оторваться хотя на мигъ отъ жизни, чтобы независимо сверху взглянуть на нее? Одинъ, только одинъ есть у насъ непогрѣшимый руководитель — мировой Духъ“.*)

Есть что-то Гетевское въ этомъ признаніи относительности всѣхъ человѣческихъ оцѣнокъ и сужденій передъ лицомъ вѣчнаго и безконечнаго Бога-Природы. Но какъ это не похоже на моральное міросозерцаніе Толстого, какимъ мы знаемъ его теперь!

Теперь Толстой, т. е. Толстой, какъ религиозный мыслитель, не цѣнитъ и не любитъ Природы. Богъ въ Природѣ и Природа, какъ Богъ, совершенно чужды ему. Богъ — Природа, тотъ Богъ, которымъ и въ которомъ жилъ Гете, для него не существуетъ. Еще одно сопоставленіе съ Гете. Толстой несомнѣнно одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ проповѣдниковъ христіанскаго нравственнаго ученія, но живая личность Христа для него неинтересна и даже не существуетъ. И тутъ какая разница по сравненію съ Гете, для котораго вся цѣнность

---

*) „Изъ записокъ князя Д. Нехлюдова“, „Люцернъ“. Соч. гр. Л. Толстого. Ч. II, изд. 8-е, стр. 132.

христіанства состояла именно въ личности Христа!

Еще другой великій религіозный вопросъ, другую страшную метафизическую загадку поставилъ своей жизнью предъ нами Толстой.

Толстой не только возсталъ на красоту. Всѣ мы знаемъ, что онъ не только безчувственъ къ *Культурѣ*, но и прямо ей враждебенъ. Именно, — культурѣ, а не только „цивилизаци“, Шекспиру и Гете и всей современной наукѣ и Technikѣ, а не только кинематографу и авіаціи. Почему „культура“ побѣждаетъ и подчиняетъ все ему дорогое „простое“, „мужицкое“? Толстой понималъ, что дѣло тутъ не въ простомъ внѣшнемъ насиліи, что корень зла лежитъ глубже. Онъ понималъ, что культура есть *сила*. Но у Толстого, какъ религіознаго мыслителя, нѣтъ ни малѣйшаго тяготѣнія и почтенія къ человѣческой *Силѣ*. Въ ней онъ не видитъ ничего божественнаго. Для него Сила, такъ же какъ и Красота, есть начало злое, дьявольское. Добро и Богъ для него всецѣло исчерпываются и поглощаются началомъ Любви, и началу Силы, какъ началу положительному, въ его религіи, такъ же нѣтъ мѣста, какъ и началу Красоты. Сила для него въ нравственномъ смыслѣ всецѣло сливается съ насиліемъ, т. е. съ грубымъ откровеннымъ принужденіемъ одного

человѣка по отношенію къ другому. Сила если не тождественна, то равноцѣнна съ насиліемъ.

Въ этомъ отношеніи цѣлая пропасть лежитъ между Толстымъ и великими англійскими моралистами XIX в., Карлейлемъ и Рескинымъ. Борцы противъ „мѣщанскаго“ духа и „мѣщанской“ морали, оба, и Карлейль, и Рескинъ, страстно любили культуру и ясно видѣли въ ней творческую работу религіознаго начала.

Разногласіе между Толстымъ и великими англійскими моралистами есть не только разногласіе въ оцѣнкѣ культуры. Его захватъ гораздо шире.

Карлейль и Рескинъ любили въ культурѣ *Силу*. Отсюда — ихъ проповѣдь дисциплины и авторитета, защита государственнаго могущества и войны.

Это глубочайшее моральное разногласіе, упирающееся въ разногласіе метафизическое. Болѣе того, тутъ прямо разныя, даже антагонистическія міроощущенія, различная религія.

Есть ли Сила, или точнѣе — превосходство въ силѣ, просто фактъ или оно указываетъ на нѣчто основное, метафизическое, а потому имѣющее и огромный смыслъ? Совершенно ясно, какое значеніе имѣетъ этотъ вопросъ для моральной оцѣнки всей современной куль-

туры, и какъ изъ различнаго отношенія къ Силѣ вытекаетъ различная оцѣнка этой культуры.

Какъ добро связано съ Силой? Отрицательно или положительно? Моральная проблема силы есть какъ бы та загадочная метафизическая бездна, въ которую — передъ пытливымъ философскимъ взоромъ — расширяются всѣ предѣлы современности: социализмъ (равенство неравныхъ по силѣ!), вѣчный миръ (отказъ отъ войны!), національный вопросъ (есть ли національное самоутвержденіе нравственная правда или, наоборотъ, неправда?) и цѣлый рядъ другихъ жгучихъ вопросовъ, волнующихъ современнаго человѣка. Въ конечномъ счетѣ всѣ эти вопросы таятъ въ себѣ проблему Силы.

Великое религіозное значеніе Толстого состоитъ именно въ томъ, что своей личностью и своей жизнью онъ съ геніальной мощью поставилъ передъ современнымъ человѣчествомъ двѣ основныя проблемы мірового и человѣческаго бытія: проблемы *Красоты и Силы*.

И какъ бы мы ни рѣшали, какъ бы человѣчество въ своей коллективной жизни, которая, по слову самого Толстого, есть „столкновение безчисленныхъ произволовъ“, ни рѣшало эти проблемы, — Толстой въ своей суровости и прямолинейности далъ намъ великіе уроки

такой послѣдовательности и честности мысли, отъ которой человѣчество почти отвыкло.

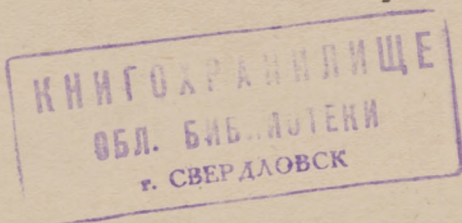
Онъ подвергъ своему суду не частности и выводы, а основы и посылки всей современной культуры и культуры вообще. Въ этомъ отношеніи — да и не только въ этомъ — Толстой подлинный возстановитель христіанства. Подобно христіанству, онъ принесъ моральному и религіозному сознанію человѣчества „не миръ, но мечъ“. И оскорбленіе памяти Толстого, думается мнѣ, будетъ заключаться не въ томъ, что мы мужественно и сознательно отвергнемъ его „мечъ“, а въ томъ, что мы изъ преклоненія передъ его личностью, по нравственной дряблости и умственной трусости, станемъ притуплять толстовскій „мечъ“ и обратимъ это страшное орудіе моральнаго разсѣченія и духовнаго проясненія въ безобидную игрушку, служащую для жалкаго примиренія непримиримаго и, хуже того, для лицемѣрнаго затемненія подлинной остроты загадокъ нашего нравственнаго и общественнаго бытія.

* * *

Отдавъ Красоту во власть Дьявола и изгнавъ изъ религіи всякую поэзію, Толстой превратилъ ее въ скорбную пустыню суровой морали самоограниченія личности.

Ст. о Львѣ Толстомъ

2

04450

303261

Вотъ почему такъ проста и такъ безот-
радно скудна его этика. Она не обвѣяна ни-
какимъ личнымъ отношеніемъ къ личному
Богу. Христосъ тутъ не присутствуетъ, какъ
живой образъ Бога. А въ то же время выс-
шая метафизическая и, если угодно, эстетиче-
ская проблема нравственности: *какъ прими-
рить самоограниченіе личности съ ея само-
утвержденіемъ?* — тутъ вовсе не ставится.
Между тѣмъ только въ непрерывномъ раз-
рѣшеніи этой проблемы можетъ состоять ис-
тинное моральное творчество.

Мораль Толстого такъ скудна потому,
что Толстой слишкомъ моралистъ, что вся
загадка міра разрѣшается для него въ мо-
ральную проблему всецѣлаго подчиненія нрав-
ственному велѣнію Бога.

И именно потому, что онъ слишкомъ
моралистъ и въ своей морали узкій догматикъ,
онъ не можетъ такъ подняться надъ нрав-
ственнымъ міромъ, какъ поднялись болѣе бо-
гатыя и глубокія религіозныя натуры. Въ его
морали нѣтъ той улыбки снисхожденія и все-
прощенія, которая озаряетъ лицо Христа. Нѣтъ
у него и того глубокаго и примиряющаго
проникновенія въ неустрашимыя противорѣчія
и убожества человѣческой природы, которое
такъ характерно для родившейся изъ скепсиса
религіи Паскаля.

2.

Почему Толстой не могъ стать великимъ религіознымъ реформаторомъ? Для того, чтобы быть таковымъ, нужна или великая личная святость, или огромное религіозное дѣйствіе.

Былъ ли въ возстаніи Толстого противъ красоты и искусства личный подвигъ? *Объективно* это былъ величайшій подвигъ, величайшая жертва, которую могъ принести такой человѣкъ. Съ этой жертвой можетъ быть сравниваемо развѣ только отреченіе отъ свѣтской науки такого ученаго, какъ Паскаль. Но *субъективно* въ религіозномъ переворотѣ, совершившемся съ Толстымъ, не было или почти не было элемента личного подвига или жертвы. Этотъ переворотъ стоилъ ему, несомнѣнно, большихъ усилій мысли, но усилій воли не видно. Толстой *не оторвалъ своей души* отъ искусства и красоты, а просто у него не стало къ нимъ вкуса. Къ религіи онъ пришелъ, не возненавидѣвъ красоту и искусство, а изъ удручающаго сознанія пустоты жизни, которая была ими наполнена. Великій человѣкъ, онъ никогда не былъ великимъ грѣшникомъ и *могъ стать* великимъ праведникомъ. А *прирожденнымъ* праведникомъ онъ никогда не былъ; въ немъ не было никогда той святости, которая дается безъ

потому

борьбы и подвижничества, которую прирожденный святой получаетъ изъ себя. Вообще моральная личность Толстого не стояла на уровнѣ его проповѣди, она была меньше и слабѣе ея.

Недоступно было Толстому и то религіозное дѣйствіе, которое и безъ личной святости можетъ сдѣлать человѣка великимъ религіознымъ реформаторомъ. Для такого религіознаго дѣйствія Толстой былъ все-таки слишкомъ литераторомъ и бариномъ. Для такой роли нужно было другое воспитаніе и другая натура, болѣе дѣйственная и въ то же время болѣе гибкая, болѣе властная и въ то-же время болѣе пластическая.

Словомъ, Толстой не былъ ни Францискомъ Ассизскимъ, ни Мартиномъ Лютеромъ.

Тѣмъ не менѣе въ исторіи и психологіи религіи Толстой занимаетъ совершенно особое мѣсто. Именно, отсутствіе поэзіи въ его религіи, позитивная трезвость его религіознаго духа есть нѣчто своеобразное и замѣчательное. Проникновеніе религіей, религіозныя „обращенія“ весьма часто соединяются съ экстатическимъ, „патологическимъ“ состояніемъ духа. Вольтеръ считалъ религіозность Паскаля сумасшествіемъ; въ наше время говорятъ объ его наслѣдственной неврастеніи. И вообще часто замѣтна опирающаяся на извѣст-

ные неоспоримые факты склонность—религіозное направленіе мысли и чувствъ разсматривать, какъ выраженіе психической неуравновѣшенности, какъ явленіе по существу ненормальное въ человѣкѣ, ставшемъ на уровнѣ новѣйшей культуры. Съ этой точки зрѣнія примѣръ Толстого въ высшей степени поучителенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ отдался религіи, онъ живетъ только ею: къ его религіозности не подмѣшивается никакихъ мотивовъ, постороннихъ религіи. И въ то же время религіи онъ отдался въ состояніи полного физическаго и душевнаго здоровья. Его „обращеніе“ къ Богу не можетъ быть объяснено никакими „физическими“ причинами, никакой „физиологіей“ или „патологіей“. Это дѣло чистаго духа, фактъ моральный или „спиритуальный“ въ самомъ подлинномъ и самомъ позитивномъ смыслѣ слова. Именно этотъ характеръ обращенія Толстого къ Богу придаетъ ему особое и глубокое философское значеніе.

3.

Не будучи великимъ религіознымъ реформаторомъ—возможенъ ли вообще таковой въ наше время? — Толстой есть огромная сила въ культурномъ и общественномъ развитіи современности. Говоря о значеніи Толстого

для нашего времени, не слѣдуетъ забывать, что онъ весь, и какъ художникъ, и какъ мыслитель, всего же болѣе, какъ индивидуальность, стоитъ какъ бы надъ временемъ. Борьба такого великаго художника съ искусствомъ и красотой есть фактъ самъ по себѣ громаднѣй, независимо отъ какихъ-либо практическихъ послѣдствій его для общественной жизни, и имѣетъ, выражаясь философски, внѣвременное значеніе.

Но дѣятельность Толстого, связанная съ этимъ фактомъ, несомнѣнно имѣла и имѣетъ въ то-же время огромныя практическія послѣдствія. Прежде всего — политическія. Я всегда думалъ, — и въ рѣзкой формѣ высказалъ это во вступительномъ редакторскомъ словѣ къ первому номеру *Освобожденія*, — что Толстой одинъ изъ самыхъ мощныхъ разрушителей нашего стараго порядка. Равнодушный къ политикѣ въ тѣсномъ смыслѣ, онъ проповѣдывалъ такія общія идеи и высказывалъ такія мысли по частнымъ вопросамъ, которыя имѣли огромное политическое значеніе, и этой его проповѣди была присуща вся та сила, которую давали геній и авторитетъ генія. Среди идейныхъ проповѣдниковъ свободы личности въ Россіи Толстой былъ самымъ мощнымъ и самымъ вліятельнымъ.

Общимъ мѣстомъ является теперь призна-

ніе его вліянія, какъ моралиста. Внѣ всякаго сомнѣнія, множество людей, подъ его вліянiемъ, оглянулось на себя, подвергло себя внутреннему суду, обострило свою совѣсть и измѣнило такъ или иначе свое поведеніе. Въ половомъ вопросѣ вліяніе его было, по моимъ наблюденіямъ, особенно сильно. Но такова судьба всякой односторонней морали, всякой проповѣди, проникнутой деспотическимъ духомъ абсолютизма, всякаго *безусловнаго вѣлiнія*, что ихъ вліяніе, какъ бы оно ни было велико, — съ теченіемъ времени въ отношеніи къ однимъ и тѣмъ же лицамъ слабѣетъ. То-же случилось съ Толстовскою моралью. Черезъ нее прошли очень многіе, въ ней остались очень немногіе. Но слѣдъ, ею оставленный и оставляемый, мнѣ кажется весьма глубокъ. Вліяніе Толстовской морали на то поколѣніе, для котораго оно было новымъ словомъ и которое складывалось въ 80-хъ годахъ и вступило въ жизнь въ 90-хъ годахъ, было неизгладимо и очень велико.

4.

По своимъ *соціальнымъ* идеямъ Толстой по отношенію къ существующему обществу великій революціонеръ. Его отрицаніе всякой принудительной власти и въ то же время

всякаго насилія дѣлаеть его единственнымъ послѣдовательнымъ анархистомъ, вѣрнымъ началу абсолютно добровольнаго взаимоотношенія и объединенія людей. Ибо онъ единственный изъ анархистовъ отрицаніе насилія признаеть не только принципомъ *существованія* идеальнаго человѣческаго общества, но и принципомъ его *осуществленія*. Въ этомъ различіи цѣлая практическая и прежде всего морально религіозная пропасть между мирнымъ анархизмомъ Толстого и насильственнымъ другихъ анархистовъ. Пропасть эта такъ велика, что называть Толстого безъ оговорокъ и объясненій анархистомъ значило бы затемнять самое существо его моральнаго и общественнаго ученія.

Какъ проповѣдникъ равенства, равенства экономического и культурнаго, какъ отрицатель частной собственности, Толстой несомнѣнно принадлежитъ къ социалистамъ. Но и тутъ положеніе, занятое имъ, совсѣмъ особенное, проводящее рѣзкую грань между нимъ и большинствомъ социалистовъ. Это различіе вытекаетъ изъ *религіозности* Толстого.

Современный социализмъ часто называютъ религіей. Поскольку подъ религіей подразумевается лишь особое душевное состояніе, характеризующее увлеченіемъ извѣстной задачей, доходящимъ до поглощенія

всей духовной личности человѣка, — многіе современные социалисты могутъ быть названы религіозными. Поскольку подъ религіей разумѣется совокупность стремленій и идеаловъ, имѣющихъ для даннаго человѣка или для данной группы людей значеніе высшихъ цѣнностей, къ которымъ примѣриваются всѣ прочія вещи и отношенія, — социализмъ для многихъ людей является религіей. Но слѣдуетъ сказать правду: въ этомъ смыслѣ объектомъ религіи могутъ быть даже тотализаторъ и гончія собаки, и всякій спортъ въ истинномъ спортсменѣ возбуждаетъ „религіозное“ отношеніе.

Очевидно, что такое чисто формальное психологическое пониманіе религіи ничего не объясняетъ въ ея идейномъ существѣ. Религія не можетъ быть просто увлеченіемъ чѣмъ бы то ни было, безразлично чѣмъ. Религія неразрывна съ идеей Божества, и содержаніемъ ея является отношеніе человѣка къ сверхприродному, міродержавному Существо. Но этого мало для современнаго человѣка. Разъ религія перестала быть поклоненіемъ Существо, внушающему страхъ, разъ Божество или та идея, которая замѣняетъ Божество, вызываетъ къ себѣ любовь, центромъ религіи становится свободное и дѣятельное служеніе Божеству, основанное на

чувствъ личной отвѣтственности, на убѣжденіи, что осуществленіе мною Блага и мое спасеніе, какъ бы оно ни мыслилось, требуютъ напряженія всѣхъ моихъ силъ и прежде всего зависятъ отъ меня. Нѣтъ чувства и идеи, болѣе существенной для религіи, которая поднялась надъ ощущеніемъ глухой зависимости и темнаго страха, чѣмъ чувство и идея отвѣтственности человѣка за себя и за міръ.

Каково же отношеніе социализма къ этой идеѣ?

Социализмъ выросъ на почвѣ того механическаго морально-философскаго міровоззрѣнія, которое было подготовлено въ XVIII в. и своего наивысшаго расцвѣта достигло въ Бентамѣ. Если бы самъ Бентамъ не былъ всецѣло порожденіемъ всей предшествовавшей ему философіи, если бы онъ не стоялъ на плечахъ Юма, Гельвеція и Гольбаха, то можно было бы сказать, что Бентамъ, этотъ осмѣянный Марксомъ буржуазный мыслитель, есть истинный философскій отецъ социализма. И для того, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ надъ новѣйшимъ социализмомъ носится духъ Бентама, достаточно заглянуть въ самый замѣчательный англійскій социалистическій трактатъ начала XIX в., въ сочиненіе ученика Бентама, Вильяма Томпсона „An inquiry into the principles of the distribution of wealth“ (1824).

Томпсонъ былъ ученикомъ Бентама, онъ былъ также ученикомъ Годвина, автора „Политической справедливости“, и Овена. И Годвинъ, и Овенъ — оба выросли и созрѣли въ той же духовной атмосферѣ, что и Бентамъ. Овенъ, человѣкъ одной идеи, быть можетъ, ярче, чѣмъ какой нибудь другой писатель и дѣятель социализма, раскрылъ его морально философскую сущность. „Лишь съ величайшими сопротивленіями и послѣ продолжительной душевной борьбы,“ — говоритъ онъ въ своей „Автобіографіи“, ¹⁾ „я былъ вынужденъ отказаться отъ моихъ первоначальныхъ и глубоко во мнѣ укоренившихся христіанскихъ убѣжденій, но, отказавшись отъ вѣры въ христіанское ученіе, я вмѣстѣ съ тѣмъ былъ вынужденъ отвергнуть и всѣ другія вѣроученія. Ибо я открылъ, что всѣ они покоятся на нелѣпой мысли (absurd imagination), что „всякій человѣкъ создаетъ самъ собственныя свойства, опредѣляетъ свои мысли, желанія и дѣйствія и отвѣтственъ за нихъ передъ Богомъ и людьми“. (ковычки Овена П. С.) Мои собственныя размышленія привели меня къ совершенно инымъ выводамъ. Мой разумъ научилъ меня, что я не могу быть творцомъ ни одного изъ моихъ свойствъ, что они со-

---

1) The life of Robert Owen, Vol. I, 1857, p. 38.

зданы природой, а что мой языкъ, религія и нравы — обществомъ, и что я всецѣло порожденіе природы и общества“. ¹⁾

Воззрѣніе Толстого на общественную жизнь и на положеніе въ ней человѣка диаметрально противоположно этой кардинальной идеѣ социализма, которая есть не только его теоретическая основа, но — что еще важнѣе — его морально-философскій лейтмотивъ. Въ старомъ, такъ называемомъ утопическомъ, или, вѣрнѣе, раціоналистическомъ социализмѣ, который вѣрилъ въ силу разума и основаннаго на разумѣ воспитанія и законодательства, отрицаніе личной отвѣтственности парализовалось огромной ролью, приписываемой разуму въ дѣлѣ перевоспитанія человѣка и преобразования общества. Годвинъ и Овенъ, отрицая личную отвѣтственность человѣка, возлагали на человѣческій разумъ неизмѣримо громадную задачу. Историческое мышленіе XIX в., практически-психологически коренившееся въ консервативной реакціи противъ революціоннаго раціонализма предшествовавшей эпохи, выдвинуло противъ него воззрѣніе на обще-

---

1) Слѣдуетъ отмѣтить, что естествознаніе оказало непосредственное вліяніе на ходъ мыслей Овена. Въ эпоху выработки своихъ идей онъ находился въ идейномъ общеніи съ знаменитымъ химикомъ Дальтономъ, и представленіе о химическихъ соединеніяхъ, по его собственному признанію, послужило моделью для его представленія о человѣкѣ и человѣческомъ обществѣ.

ство и его формы, какъ на органическій продуктъ стихійнаго, ирраціональнаго творчества. Это направленіе философски превосходно мирилось съ отрицаніемъ личной отвѣтственности, личного подвига, личного творчества. Въ марксизмѣ механическій раціонализмъ XVIII в. слился съ органическимъ историзмомъ XIX в., и въ этомъ сліяніи окончательно потонула идея личной отвѣтственности челоука за себя и за міръ. Соціализмъ—въ лицѣ марксизма—отказался отъ морали и разума. Весь же современный соціализмъ насквозь пропитанъ міровоззрѣніемъ Маркса, которое есть амальгама механическаго раціонализма XVIII в. и органическаго историзма XIX в. Оба элемента этой амальгамы по существу одинаково враждебны идеѣ личной отвѣтственности челоука, лежащей въ основѣ моральнаго ученія христіанства и Льва Толстого, въ частности.

Теперь спрашивается: нуждается ли соціализмъ въ идеѣ личной отвѣтственности челоука и каково вообще значеніе этой идеи для совершенствованія челоука и общества?

Въ чемъ философская сущность соціализма? Одно несомнѣнно—въ основѣ соціализма лежитъ идея полной раціонализаціи всѣхъ процессовъ, совершающихся въ обществѣ. Въ этомъ громадная трудность соціализма. По идеѣ соціализма стихійное хозяйственно-об-

публичное взаимодействие людей должно быть *сплошь* замѣнено ихъ планомѣрнымъ, рациональнымъ сотрудничествомъ и соподчиненіемъ. Я нарочно подчеркиваю слово *сплошь*, ибо социализмъ требуетъ не частичной рационализации, а такой, которая принципиально покрывала бы все поле общественной жизни. Въ этомъ заключается основная трудность социализма, ибо, очевидно, что ни индивидуальный, ни коллективный разумъ неспособенъ охватить такое обширное поле и неспособенъ всѣ происходящіе на немъ процессы подчинить одному плану. Это вытекаетъ изъ существа дѣла, и отсюда явствуетъ, что съ реалистической точки зрѣнія рѣчь можетъ идти только о частичномъ осуществленіи задачъ социализма, а не всецѣломъ разрѣшеніи проблемы социализма.

Очевидно, что отмѣченная нами трудность лежитъ въ самомъ существѣ социализма. Смыслъ послѣдняго въ полной рационализации человѣческой жизни, а между тѣмъ тенденція къ рациональному не можетъ всецѣло овладѣть человѣческой природой. Но для поставленнаго нами вопроса указаніе на эту трудность не имѣетъ непосредственнаго значенія. Допустимъ, что она не существуетъ, Возникаетъ другой вопросъ: какое значеніе имѣетъ для социализма и его осуществленія идея личной отвѣтственности? Очевидно, что

для рационализации общественной жизни первымъ условиемъ является рационализация и дисциплинирование индивидуальной жизни. Въ настоящее время въ обществѣ, основанномъ на свободной конкуренціи, такое дисциплинирование достигается естественнымъ подборомъ, въ силу котораго „несостоятельные“ въ физическомъ и, что еще важнѣе, въ нравственномъ отношеніи экземпляры чело-вѣчества низвергаются на дно социальной жизни. Это происходитъ совершенно независимо отъ того, чего хочетъ большинство данной социальной группы; примѣняя слово Маркса, сказанное по другому поводу, все совершается „за спиной“ этого большинства. Демократическій социализмъ долженъ измѣнить этотъ общественный укладъ; рациональное устройство общественныхъ дѣлъ и, въ огромной мѣрѣ, также и индивидуальной жизни перейдетъ при немъ къ большинству общества. Что произойдетъ при этомъ съ идеей и чувствомъ личной отвѣтственности за себя и за общество? Ослабѣетъ оно въ индивидѣ, или же останется на среднемъ существующемъ уровнѣ, или же, наконецъ, усилится? Это — вопросъ факта, вѣрнѣе, научнаго предвидѣнія сложныхъ социально-психическихъ соотношеній. Объ этомъ можно много спорить. Но вотъ что не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Соціа-

лизмъ немислимъ при ослабленіи чувства и идеи личной отвѣтственности, и, такимъ образомъ, эта идея и ея крѣпость въ человѣкѣ есть необходимое (хотя, по всей вѣроятности, и недостаточное) условіе осуществленія социализма. Между тѣмъ, мы уже знаемъ, что философски социализмъ исходитъ отъ отрицанія этой идеи. Въ ученіи о классовой борьбѣ она тоже совершенно исчезаетъ; абсолютно она чужда и философіи синдикализма (если воззрѣніе теоретиковъ синдикализма вообще заслуживаетъ названія философіи). Такимъ образомъ, социализмъ подрывалъ и подрываетъ одну изъ тѣхъ идей, безъ укрѣпленія которыхъ невозможно его осуществленіе. Это одно изъ интересныхъ противорѣчій современнаго социализма, означающихъ его идейное банкротство и предвѣщающихъ его реальное крушеніе.

Впрочемъ, затронутая нами проблема имѣетъ даже болѣе широкое и общее значеніе, чѣмъ вопросъ о судьбахъ социализма и объ отношеніи къ социализму Льва Толстого.

И это значеніе даетъ поводъ подчеркнуть философскій смыслъ и культурную цѣнность моральной проповѣди Льва Толстого. Эта проповѣдь энергично подчеркиваетъ значеніе личнаго усовершенствованія, она побуждаетъ человека видѣть въ себѣ, въ своихъ собственныхъ

душевныхъ движеніяхъ, поступкахъ и свойствахъ самое для него и для другихъ важное и рѣшающее. Противопоставленіе и сопоставленіе „внутренней“ и „внѣшней“ реформы человѣка не было бы, можетъ быть, вовсе нужно, если бы именно тѣ воззрѣнія, которыя до сихъ поръ пользуются наибольшимъ кредитомъ въ „публикѣ“ и у насъ, и на Западѣ, и въ томъ числѣ и социализмъ, не отправлялись постоянно, сознательно или безсознательно, отъ пониманія человѣческаго прогресса, какъ усовершенствованія „внѣшнихъ“ формъ жизни. Если вообще допустимо раздѣленіе человѣческой жизни на эти двѣ области¹⁾, думается мнѣ, религіозная точка зрѣнія, на которой стоитъ въ этомъ вопросѣ Толстой и которая на первый планъ выдвигаетъ „внутреннюю“ реформу человѣчества, и практически болѣе плодотворна, и гораздо болѣе научна, чѣмъ противоположное антирелигіозное „позитивное“ воззрѣніе. Развитіе этой мысли завело бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что положительное изученіе хозяйства и его развитія, на мой взглядъ, доказываетъ самымъ яснымъ образомъ, что не мифологическія „производительныя силы“, управляющія человѣкомъ, а человѣкъ и именно его

¹⁾ Конечно оно допустимо лишь въ самомъ условномъ смыслѣ.

религіозная природа имѣють рѣшающее значеніе для экономическаго „прогресса“. Часто бываетъ, что умы не научные стоятъ на научно болѣе правильномъ пути, чѣмъ умы научные. Въ своемъ религіозномъ воззрѣніи на ходъ человѣческаго развитія Толстой—я глубоко въ томъ убѣжденъ—гораздо ближе къ научной истинѣ, чѣмъ то, что признается или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ признавалось за „науку“.

Но даже если это и спорно, то во всякомъ случаѣ дѣлу практическаго оздоровленія общественнаго мнѣнія точка зрѣнія, лежащая въ основѣ проповѣди Толстого, не можетъ не принести огромной пользы. Всѣ пережитыя нами за послѣдніе годы великія политическія событія и перемѣны были какъ-бы грандіознымъ психологическимъ экспериментомъ на эту тему. Многія иллюзіи оказались развѣянными, многія постройки рушились, потому что подъ ними не было фундамента, на которомъ только и могутъ прочно держаться большія и малыя человѣческія дѣла: нравственнаго воспитанія человѣка. Пусть Толстой, какъ моралистъ, суживаетъ человѣческую природу, пусть онъ слишкомъ вѣритъ въ силу проповѣди и потому слишкомъ просто представляетъ себѣ процессъ воспитанія (или, вѣрнѣе, сомовоспитанія) че-

ловѣчества, — за нимъ та огромная заслуга, что онъ толкаетъ мысль челоѣчества въ направленіи къ истинному свѣту. Послѣ всего мною сказаннаго эти слова, надѣюсь, не будутъ приняты за общее мѣсто, за обязательный реверансъ передъ общепризнаннымъ гениемъ или за выраженіе согласія съ какими либо *частностями* воззрѣній Толстого. Дѣло тутъ не въ частностяхъ, а въ *религіозномъ* направленіи его мысли, въ идеѣ, что челоѣкъ отвѣтственъ за себя и за міръ. Это — идея челоѣка въ Богѣ и Бога въ челоѣкѣ и ихъ неразрывной свободной связи.

II. Смыслъ смерти Толстого.

„Мнѣ очень хочется увидѣть Толстого, хотя и боязно. Это какое-то существо громадное и страшное, прожившее не одну, а нѣсколько челоѣческихъ жизней и притомъ такихъ, которыя странно и страшно прожить одному челоѣку“. Такъ писалъ я А. А. Стаховичу, когда мы условливались съ нимъ относительно совмѣстной поѣздки лѣтомъ 1909 г. въ Ясную Поляну. До 1909 г. я никогда не видѣлъ Льва Толстого, и я почувствовалъ, что долженъ его видѣть. Я понималъ, что скоро это будетъ невозможно.

Самое сильное, я скажу единственно силь-

ное впечатлѣніе, полученное мною отъ этого посѣщенія, можно выразить такъ: Толстой живетъ только мыслью о Богѣ, о своемъ приближеніи къ нему. Онъ уходитъ отсюда — туда. *Онъ уже ушелъ.* Тѣлесно онъ одной ногой въ могилѣ, потому что ему 81 годъ, но онъ можетъ еще прожить не мало дней, мѣсяцевъ и лѣтъ, ибо тѣло его еще не разрушилось, способенъ же онъ чуть не каждый день ѣздить верхомъ, что для многихъ изъ насъ, вдвое его моложе, не только трудно, но и прямо непосильно. Но душевно и духомъ онъ тамъ, куда огромное большинство людей приходитъ только черезъ могилу, незримо и невѣдомо для всѣхъ другихъ. А онъ ушелъ, а я *это видѣлъ*, чувствовалъ о немъ и съ нимъ. И въ тоже время я *видѣлъ его*. Въ этой очевидности ухода изъ жизни живого человѣка было нѣчто громадное и для меня единственное.

Въ бесѣдѣ со мной Толстой между прочимъ сказалъ: „неудивительно, что мы съ Вами несогласны, вѣдь я болѣе чѣмъ вдвое старше васъ.“ Помнится, я ничего не отвѣтилъ на это замѣчаніе, помнится, только взглядомъ я выразилъ, что понимаю его, ибо я чувствовалъ, что въ эти слова самъ Толстой вкладываетъ не простое указаніе на свою старость, а то самое ощущеніе нѣсколькихъ

прожитыхъ имъ жизней, съ которымъ я, думая о немъ, направлялся въ Ясную Поляну.

Прожить такъ много, развѣ это не значило выйти изъ жизни. Но въ тоже время означалъ ли этотъ выходъ изъ жизни, что Толстой уже являлъ собой мертвеца, что отъ него вѣяло смертию и тлѣномъ?

Нѣтъ, ибо съ нимъ произошло нѣчто рѣдкое и великое. Проживъ нѣсколько огромныхъ жизней, онъ изъ жизни вышелъ живымъ. Я ощутилъ это тогда, въ первый и послѣдній разъ увидавъ лицомъ къ лицу Толстого. Я окончательно понялъ, осозналъ это, когда пришла вѣсть объ уходѣ его изъ Ясной Поляны, когда мы съ тревогой узнали, что его стережетъ тѣлесная смерть. Выйдя живымъ изъ жизни, духовно преодолевъ тѣлесную жизнь, онъ могъ пойти и радостно пошелъ навстрѣчу тѣлесной смерти. Будучи „вне жизни“ въ здѣшнемъ ограниченномъ смыслѣ, онъ сталъ неподвластенъ „смерти“, онъ ее „попралъ.“

Когда въ зимнюю ночь Толстой „бѣжалъ“ изъ Ясной Поляны, онъ уходилъ не отъ семьи и обстановки, не отъ собственности, барства и жизненнаго комфорта къ простотѣ и скудости „мужицкой“, „трудовой“ жизни. Онъ думалъ, конечно, и объ этомъ, но это не была его *главная* мысль. Не толстовство въ

смыслъ ученія о земной „жизни“ осуществлялъ онъ въ своемъ „уходѣ.“ Земныхъ цѣлей этотъ уходъ не преслѣдовалъ и не могъ преслѣдовать. Не „Царства Божія на землѣ“ искалъ 82-лѣтній старецъ. Онъ уже тогда поднялся надъ „жизнью“ и „смертью“, ибо пошелъ къ Богу.

Его смерть, поэтому, такъ исключительна и значительна. Для меня это не „фраза“, не „построение“, для меня это очевидный психологическій и религіозный фактъ.

Очевидный, ибо я его видѣлъ. Я видѣлъ не физическое умираніе Толстого, не естественный физиологическій фактъ, а таинственное религіозное преображеніе. Я видѣлъ воочию и съ трепетомъ ощущалъ, какъ живой Толстой стоялъ внѣ „жизни“. И такъ же, какъ я считалъ своимъ долгомъ при жизни Толстого молчать объ этомъ, такъ теперь, передъ всѣми здѣсь собравшимися, объединенными одной мыслью и однимъ чувствомъ — религіозно почитать отошедшаго Толстого, я считаю своимъ долгомъ свидѣтельствовать объ этомъ великомъ фактѣ его религіозной жизни. Великомъ, ибо тутъ была одержана труднѣйшая побѣда, тутъ совершилось величайшее торжество — человѣка надъ смертью.

Роковые вопросы.

По поводу статьи Л. Н. Толстого „Неизбѣжный переворотъ“¹⁾.

„Московскія газеты полны описаніями грандіозной демонстраціи, устроенной населеніемъ Москвы великому писателю земли русской. Безъ преувеличенія можно сказать, что Москва устроила Толстому царскіе проводы, какъ и подобаетъ Льву Великому“, — такъ пишетъ г. Пругавинъ въ газетѣ Рѣчь²⁾.

Долженъ сказать, что эти газетныя сообщенія о грандіозной демонстраціи въ честь Толстого производятъ странное впечатлѣніе на фонѣ того всеобщаго равнодушія, которое круги русскаго общества, вообще могущіе участвовать въ подобнаго рода „демонстраціяхъ“, обнаруживаютъ къ мыслямъ Льва Толстого.

Рядомъ съ дешевымъ идолопоклонствомъ передъ лицомъ великаго человѣка обнару-

---

¹⁾ Русская Мысль, 1909 г., Октябрь. Статья Толстого была напечатана въ Русскихъ Вѣдомостяхъ отъ 24 сентября 1909 г.

²⁾ № отъ 24 сентября 1909 г.

живается довольно плачевное отсутствіе интереса къ работѣ его мысли, которая во всякомъ случаѣ теперь составляетъ единственное дѣло Льва Толстого. Мнѣ пришлось встрѣчать людей, которые даже не знали, что Толстой только что напечаталъ статью „Неизбѣжный переворотъ“ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ, и, кажется, далеко не всѣ русскія газеты отмѣтили и цитировали эту статью.

Толстой самъ такъ указываетъ на это отношеніе къ своимъ идеямъ въ началѣ статьи:

„Знаю, что много-много людей, особенно изъ числа такъ называемыхъ образованныхъ, заглянувъ въ это мое писаніе и понявъ, о чемъ идетъ рѣчь, только пожмутъ плечами, презрительно улыбнутся и не станутъ читать дальше. „Все старое непротивленіе... Какъ это не надоѣстъ ему“, скажутъ они“.

Вовсе не нужно соглашаться съ идеями Толстого для того, чтобы огорчаться такимъ безучастнымъ отношеніемъ къ его мысли, — достаточно чувствовать, что въ писаніяхъ Толстого ставятся самые важные, самые первые (а потому и самые конечные) вопросы жизни, и ставятся съ такой силой, которая должна была бы дѣйствовать неотразимо, потому что это есть сила религіознаго убѣжденія.

Читая статью „Неизбѣжный переворотъ“, я испытывалъ это дѣйствіе, и оно было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше я не соглашался съ авторомъ, чѣмъ яснѣе я чувствовалъ тотъ пунктъ, съ котораго моя мысль начинаегь бороться съ его мыслью и уходитъ въ совершенно другую сторону. Но, именно не соглашаясь, и ощущаешь всю громадность, весь роковой смыслъ тѣхъ вопросовъ, которые ставитъ Толстой. Къ *этому* во всякомъ случаѣ нельзя относиться равнодушно.

Очень часто говорятъ, что Толстой плохо разсуждаетъ, и съ легкостью указываютъ тѣ противорѣчія, въ которыхъ онъ запутывается.

Эго совершенно вѣрно, но въ то же время само по себѣ совершенно неинтересно. Ибо если вдуматься въ противорѣчія Толстого, то становится яснымъ, что источникъ ихъ не въ нелогичности Толстого, а въ роковомъ характерѣ тѣхъ вопросовъ, которые онъ ставитъ.

И новѣйшее разсужденіе Толстого поражено такимъ роковымъ противорѣчіемъ, котораго онъ, къ своему счастью, не замѣчаетъ, но котораго для меня, къ моему несчастью, ничто не можетъ вытравить. Всѣ мои послѣдующія разсужденія и недоумѣнія не будутъ, мнѣ кажется, „полемикой“ въ обычномъ смыслѣ слова. Мнѣ важно вовсе

не опровергнуть Толстого, а именно раскрыть глубочайшій, роковой смысл того, что онъ говоритъ, и того, о чемъ онъ говоритъ, — какъ я это понимаю.

Первое положеніе: Люди отвѣтственны за свои поступки и важно только, какъ я буду поступать. Толстой выражаетъ это такъ:

„*Что дѣлать*“ — спрашиваютъ одинаково и властители, и подвластные, и революціонеры, и общественные дѣятели, подразумѣвая подъ вопросомъ „что дѣлать“ всегда вопросъ о томъ, какъ должна быть устроена жизнь людей. Всѣ спрашиваютъ: какъ должна быть устроена жизнь людей, т. е. что дѣлать съ другими людьми. Всѣ спрашиваютъ, что дѣлать съ другими, но никто не спрашиваетъ, что мнѣ дѣлать съ самимъ собой.“

Мысль Толстого тутъ совершенно ясна и не нуждается ни въ какомъ истолкованіи. Но съ ней въ кричащемъ противорѣчій стоитъ

Второе положеніе: Все зло не въ людяхъ, а въ ложномъ и насильственномъ строѣ ихъ жизни. Толстой выражаетъ это такъ:

„Истинное благо дается только тому, кто исполняетъ законъ своей жизни. Законъ же этотъ ты знаешь и по разуму, и по уче-

ніямъ всѣхъ мудрецовъ міра, и по влеченію своего сердца. Законъ этотъ—любовь, любовь къ высшему совершенству, къ Богу и ко всему живому и въ особенности къ подобнымъ тебѣ существамъ — людямъ. Только пойми это каждый изъ насъ, и онъ тотчасъ же пойметъ и то, что причина страданій и его, и всего міра не въ какихъ либо злыхъ людяхъ, виновныхъ въ томъ злѣ, которое совершается, а только въ одномъ: въ томъ, что живутъ люди въ условіяхъ жизни, сложившихся на насиліи, — условіяхъ, противныхъ любви, несовмѣстимыхъ съ нею, и что потому *причина того зла, отъ котораго мы всѣ страдаемъ, не въ людяхъ, а въ томъ ложномъ устройствѣ жизни на насиліи, которое люди считаютъ необходимымъ*". ¹⁾

Въ этомъ противорѣчій, которое въ нелитераторскомъ изложеніи Толстого само лѣзетъ въ глаза, не прикрытое никакими фразами, заключается основной и роковой вопросъ совершенствованія человѣческой жизни.

Возражая противъ идеи, что совершенствованіе жизни можетъ быть произведено „виѣшнимъ“ ея устройствомъ, Толстой незамѣтно для самого себя подчиняетъ свою мысль именно этой соблазнительной идеѣ. Я

---

1) Курсивъ мой. П. С.

говорю „соблазнительной“ не только въ смыслѣ „производящей соблазнъ“. Идея возможности совершенствованія жизни путемъ ея „внѣшняго“ устроенія соблазнительна и въ иномъ смыслѣ: эта идея, если предположить, что она вѣрна, означаетъ, что великій переворотъ замѣны жизни насильнической жизнью мирной, любовной не только возможенъ, но и очень легокъ. Созданіе такого убѣжденія въ легкости коренного преобразованія человѣческой жизни могло бы быть даже признано полезнымъ, если бы оно не было—и на это указываетъ неутомимо самъ Толстой, въ чемъ его великая заслуга, — неразрывно связано съ выборомъ совершенно негодныхъ „внѣшнихъ“ средствъ для осуществленія такого преобразованія.

Размышляя о томъ, почему люди живутъ дурно, мы можемъ логически прійти къ двумъ рѣшеніямъ. Либо они живутъ дурно потому, что они сами дурны или *плохи*. (Я нарочно не говорю: злы, потому что совершенно оставляю въ сторонѣ тутъ вопросъ моральной оцѣнки людскихъ качествъ). Либо они живутъ дурно потому, что они *не умѣютъ* устроить свою жизнь хорошо.

Эти два рѣшенія кореннымъ образомъ различаются между собой и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніяхъ.

Толстой и его послѣдователи могутъ съ своей точки зрѣнія пренебрежительно относиться къ теоретическимъ различіямъ, какъ къ предмету ненужныхъ „умствованій“, но они не имѣютъ ни малѣйшаго основанія, ни права пренебрегать практическими слѣдствіями, вытекающими изъ этихъ двухъ различныхъ рѣшеній вопроса объ источникѣ зла въ человѣческой жизни.

Я глубоко убѣжденъ, что только первое рѣшеніе, которое утверждаетъ, что люди живутъ дурно, потому что они сами дурны или плохи, соотвѣтствуетъ религіозному пониманію жизни, что только оно можетъ быть дѣйственно и плодотворно въ жизни. Второе же рѣшеніе, рѣшеніе раціоналистическое, несовмѣстимо съ религіознымъ пониманіемъ жизни и роковымъ образомъ приводитъ къ подмѣнѣ задачи внутренняго совершенствованія человѣка задачей внѣшняго устроенія жизни со всѣми ложными выводами, вытекающими изъ такой подмѣны.

Безсознательно такую подмѣну совершаетъ и Толстой, и она обнаруживается въ томъ противорѣчій, которое я показалъ выше. Для Толстого, какъ человѣка, эта непослѣдовательность не имѣетъ значенія, но на его служеніи, какъ учителя, она не можетъ не сказываться. Извѣстно, что Толстой увлекался

ся и увлекается экономическими идеями Генри Джорджа. Зная это обстоятельство, я взялъ въ руки главное произведеніе этого американскаго писателя и освѣжилъ въ своей памяти его идеи. И замѣчательно: именно у Генри Джорджа религія и внѣшнее устройство жизни находятся въ полномъ смѣшеніи. Несомнѣнно, что у Джорджа есть своеобразное религіозное міросозерцаніе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже метафизически болѣе оформленное, чѣмъ міросозерцаніе Толстого. Но въ то же время столь же несомнѣнно, что въ своихъ практическихъ предложеніяхъ онъ былъ просто на просто социальный реформаторъ, стремившійся къ преобразованію „учрежденій“, въ частности, къ податной реформѣ. Съ той подлинно религіозной точки зрѣнія, на которой стоитъ Толстой и которая цѣнна именно своей исключительностью, всѣ проекты „націонализаціи“ земли и „единого налога“ столь же интересны и важны или, вѣрнѣе, столь-же неинтересны и неважны, какъ, напримѣръ, третья Государственная Дума или проекты „мѣстной реформы.“ Недаромъ Толстой говоритъ, что „законъ любви не есть законъ общественнаго устройства того или другого народа или государства“. Онъ гораздо важнѣе и больше, чѣмъ какіе либо законы общественнаго устрой-

ства. И если и когда законъ любви осуществится въ жизни „каждаго отдѣльнаго человѣка“ — вопросы о тѣхъ или другихъ „учрежденіяхъ“, „законахъ“, „порядкахъ“ (и въ томъ числѣ вопросъ о „націонализаціи“ земли) превратятся въ вопросы чисто „техническіе“, лишенные всякаго нравственнаго значенія, и потому для людей чрезвычайно облегчатся.

То, что я сейчасъ пишу, не есть, какъ я уже подчеркнул, полемика въ смыслѣ „уличенія“ того, съ кѣмъ спорять, въ промахахъ въ томъ или иномъ смыслѣ, логическомъ или моральномъ. . . Для того, кто вмѣстѣ съ Толстымъ думаетъ, что „всѣ усилія духа“ необходимо перенести „изъ области общественной внѣшней дѣятельности въ исполненіе требованій своей внутренней духовной жизни“, именно для того, кто утвердился на этой позиціи, смѣшеніе этой задачи со всякими „націонализаціями земли“, которыя сами по себѣ могутъ быть хороши или дурны (это совершенно особый вопросъ), неприемлемо. Повторяю, Толстому это смѣшеніе ничѣмъ не грозитъ, но его ученію, или вѣрнѣе, дѣлу проповѣди вѣры въ единственный путь спасенія — внутреннее освобожденіе людей, такое смѣшеніе грозитъ извращеніемъ и смертію. Вѣдь есть замѣчательные примѣры

не только превращенія сторонниковъ насилія („лѣвыхъ“ и „правыхъ“) въ „толстовцевъ“, но и наоборотъ—„толстовцевъ“ въ сторонниковъ насилія. И эти превращенія совершались и будутъ неизбежно совершаться въ тѣхъ случаяхъ, когда ясная черта, отдѣляющая внутреннее совершенствованіе человѣка отъ внѣшняго устроительства жизни, будетъ стираться въ сознаніи.

Я не выдаю себя за единомышленника Толстого и не говорю, какъ таковой. И поэтому я бы хотѣлъ подчеркнуть еще съ одной стороны то основное *теоретическое* разногласіе, которое, повидимому, раздѣляетъ насъ. Когда Толстой говоритъ о „насиліи“ или о томъ „ложномъ устройствѣ жизни на насиліи, которое люди считаютъ необходимымъ“, онъ какъ бы представляетъ себѣ это „насиліе“ находящимся все таки въ извѣстномъ смыслѣ *внѣ людей*, насилующихъ и насилуемыхъ. Это опять все та же мысль, что жизнь людей „устроена“ дурно потому, что они не умѣютъ „устроить“ ее хорошо.

Это просто фактически невѣрно. Такъ же какъ „Царство Божіе внутри васъ есть“, такъ и Царство Дьявола, или зло — внутри насъ въ органическомъ смыслѣ. Это значитъ: преодолѣно зло можетъ быть не простой проповѣдью, а сложнымъ, многообразнымъ

дѣйствиємъ, проникающимъ всю жизнь и укрѣпляющимъ всего человѣка. Усовершенствованіе жизни и укрѣпленіе человѣка не можетъ быть простымъ „просвѣщеніемъ“. Самыя страшныя явленія человѣческой жизни, преступность и проституція, именно тѣмъ и ужасны, что они вовсе не сводимы просто ни на индивидуальное невѣжество, ни на „соціальное устройство“. Люди не просто „не умѣютъ“ устраивать своей жизни. Пусть они не „злы“ и не „виноваты“, но они несомнѣнно *слабы*.

Когда я понялъ это — а понялъ я это, не только изучая научно эти вопросы, но и сталкиваясь съ самыми явленіями въ жизни, — я пересталъ быть социалистомъ въ обычномъ смыслѣ, т. е. пересталъ вѣрить въ рѣшающую силу „внѣшняго устройства“ человѣческой жизни, на основѣ ли проповѣди, или насилія.

Дѣло, конечно, не въ томъ: „какъ сложится жизнь людей на основаніи любви, исключаящей насиліе“. Объ этомъ нечего ломать себѣ голову и печалиться, и Толстой въ этомъ отношеніи правъ. Стоитъ другой, гораздо болѣе трудный, прямо проклятый по своей загадочности вопросъ: какъ сдѣлаться людямъ достаточно *сильными* для „любви, исключаящей насиліе“.

Смерть Толстого и русское общество¹⁾.

Толстой и „мы“. — Толстой и „соціальная революція“.

Хотѣлось бы уловить смыслъ и силу того дѣйствія, которое смерть Толстого произвела на русское общество. Было ли тутъ длительное и глубокое дѣйствіе, которое пробудило работу сознанія, или то былъ просто какой то особенный, ворвавшійся въ нашу жизнь фактъ, насъ поразившій, даже потрясшій, но нами не воспринятый въ глубины нашей душевной жизни, не усвоенный и не понятый? Я знаю, что многіе ставятъ себѣ этотъ вопросъ, задумываясь надъ тѣмъ испытаніемъ, которому Толстой и смертью своей подвергъ современниковъ.

Все яснѣе и яснѣе обнаруживается, въ какой мѣрѣ Толстымъ владѣла *религіозная* мысль, въ какой мѣрѣ онъ дѣйствительно жилъ религіей. И этимъ фактомъ, основнымъ фактомъ душевной жизни Толстого, объяс-

1) Русская Мысль, 1911 г. Январь.

няется та простая вещь, что безрелигіозная интеллигенція, несмотря на все впечатлѣніе, произведенное на нее смертью Толстого, по выраженію одного моего собесѣдника, внутренно *растерялась и ничего не смогла выразить*. Говоря о торжественномъ собраніи въ память Толстого, устроенномъ шестнадцатю петербургскими обществами, г. Пѣшехоновъ, вѣроятно, въ качествѣ очевидца, пишетъ:

„Оно прошло... вяло, безцвѣтно, безъ малѣйшаго подъема. Устроители и ораторы какъ будто больше были озабочены не тѣмъ, чтобы дать исходъ имѣвшимся у публики чувствамъ, а тѣмъ, чтобы не выйти за предѣлы, поставленные градоначальникомъ. Но и въ самихъ собравшихся не оказалось достаточно теплоты, чтобы въ атмосферѣ риторическаго холода и безсодержательнаго пафоса, въ которую ихъ окунули, слиться въ общемъ чувствѣ. Никто не вспыхнулъ, — и человѣческій матеріалъ, собранный въ залъ, остался не объединеннымъ. Каждый остался при своемъ чувствѣ, и ни въ чемъ, быть можетъ, оно сейчасъ больше не проявится“¹⁾.

Фактъ переданъ, повидимому, совершен-

---

1) „Гора и море“. Русское Богатство, ноябрь, стр. 17.

но вѣрно¹⁾), но приче́мъ тутъ „предѣлы, поставленные градоначальникомъ“? Полицейская власть, конечно, можетъ многое сдѣлать съ устами, но надъ духомъ она не властна. И „атмосферу риторическаго холода и безсодержательнаго паѳоса“ создала, конечно, не полицейская власть: ее принесли съ собой тѣ, кто ею — по свидѣтельству г. Пѣшехонова — наполнилъ залу собранія.

Обращаясь къ отклику самого г. Пѣшехонова, я нахожу въ немъ не „риторическій холодъ и безсодержательный паѳосъ“. Напротивъ того, въ немъ есть „теплота“ и даже — „вспышка“. Но эта „теплота“ какъ то идетъ мимо подлиннаго Толстого, эта „вспышка“ происходитъ по другому поводу. Съ Толстымъ, какъ религіознымъ мыслителемъ, ни теплота, ни вспышка г. Пѣшехонова не имѣютъ ничего общаго.

Я не желаю сейчасъ вести литературнаго спора, и не полемическія цѣли преслѣдуютъ мои строки. Фактъ „растерянности“ по отношенію къ подлинному Толстому, который обнаружился такъ ярко и въ самомъ сильномъ литературномъ откликѣ нашей безрели-

---

1) Я не пошелъ въ это собраніе, но все, что я слышалъ, всецѣло подтверждаетъ характеристику его, даваемую Пѣшехоновымъ.

гіозной интеллигенціи на смерть Толстого, въ статьѣ г. Пѣшехова, интересуеъ меня вовсе не полемически. Я не только не упрекаю, напримѣръ, г. Пѣшехова за эту „растерянность“, но наоборотъ, въ ней я склоненъ видѣть скорѣе свидѣтельство, безсознательное и тѣмъ болѣе, быть можетъ, цѣнное, о томъ, что смерть Толстого можетъ явиться толчкомъ для какой-то глубокой внутренней работы сознанія въ нашей интеллигенціи. И тотъ „откликъ, который нашла смерть Толстого въ академической молодежи“, замѣчательнъ, конечно, не внѣшнимъ „стремленіемъ выйти на улицу“, а *внутреннимъ* движеніемъ, которое коснулось молодежи не какъ „массы“, не „растолкало“ ее, какъ заспавшуюся „толпу“, а затронуло и потрясло въ ней каждого человѣка въ отдѣльности, т. е. какъ то разбудило *религіозную* личность...

Меня сильно поразило слѣдующее характерное признаніе г. Пѣшехова:

„Я пробѣгаю въ своей памяти жизнь этого человѣка и вспоминаю цѣлый рядъ моментовъ, когда онъ казался особенно большимъ, особенно важнымъ. Встаетъ въ моей памяти рядъ другихъ моментовъ, когда онъ становился какъ бы невиднымъ, казался неважнымъ и даже неинтереснымъ (курсивъ мой. П. С.). И странное дѣло. Получается

такое впечатлѣніе, что онъ *вставалъ передъ нами, когда мы опускались, и скрывался, когда мы поднимались* (курсивъ мой. П. С.). Какъ будто его путь и нашъ путь — двѣ волнистыя линіи, не совпадавшія, а чередовавшіяся своими изгибами. Напоминаю два — три такихъ момента.

„Въ концѣ 70-хъ годовъ, когда мы бодро и быстро, хотя и небольшой кучкой, взбирались на гору, мечтая, что вотъ-вотъ достигнемъ перевала, Толстого вовсе не было видно на общественномъ горизонтѣ. Настали 80-е годы, годы общественного упадка, унынія и апатіи, — и Толстой со своими религиозными исканіями и моральною проповѣдью занялъ чуть не весь небосклонъ.

„Настала потомъ другая полоса общественного подъема, еще болѣе значительнаго, и вотъ, когда мы были наверху — въ 1905—1906 гг. — Толстого совсѣмъ почти было не видно и не слышно. Послѣ того мы скатились, попали въ какую то глубокую яму, въ которой сидимъ, оглушенные и парализованные, — и вновь Толстой, какъ никогда еще великій, всталъ передъ нами. Не смерть, не случайность привлекла сейчасъ къ нему общественное вниманіе; всѣ взоры обратились въ его сторону уже въ тотъ моментъ, когда онъ уѣхалъ изъ Ясной Поляны. И тогда

же мы почувствовали, что онъ сталъ еще больше, чѣмъ какимъ мы его до сихъ поръ знали“. ¹⁾

Итакъ, когда „мы“ поднимались, онъ становился какъ бы невиднымъ, казался неважнымъ и даже неинтереснымъ“, конечно, для „насъ“. Когда „мы“ „опускались“, онъ, наоборотъ, „вставалъ передъ нами“. Г. Пѣшихоновъ совершенно *искренно и вѣрно* изобразилъ соотношеніе между религіознымъ мыслителемъ Толстымъ и безрелигіозной русской интеллигенціей. Но если это вѣрно, то что же это соотношеніе означаетъ? Какой смыслъ имѣетъ это историческое констатированіе? Становясь лучше, поднимаясь выше, „мы“ забывали о Толстомъ, „мы“ его не видѣли, имъ не интересовались; онъ „намъ“ „казался неважнымъ“.

Изъ этого „констатированія“ можно сдѣлать два вывода, которые одинъ другой исключаютъ.

Одинъ выводъ таковъ. Если, забывая о Толстомъ, имъ не интересуясь, „мы“ становились лучше и выше, — значитъ, онъ для нашего подъема вовсе не былъ нуженъ. И безъ Толстого, и безъ его „идеи“ все об-

---

1) Цит. статья, стр. 27.

стояло хорошо въ нашемъ внутреннемъ мірѣ и въ нашемъ дѣланіи.

Но можно сдѣлать *и другой* выводъ, прямо противоположный. Если въ религіозной мысли Толстого было нѣчто цѣнное и нужное „намъ“, то не значить ли это, что, не интересуясь имъ, забывая о немъ, какъ о „неважномъ“, „мы“ на самомъ дѣлѣ пренебрегали цѣннымъ и важнымъ. И, стало бытъ, не значить ли это устанавливаемое г. Пѣшехоновымъ соотношеніе между Толстымъ и „нами“, что наши „подъемы“, въ которые „передъ нами... онъ (Толстой) скрывался“, были поражены глубокимъ внутреннимъ порокомъ, и что когда нашъ путь своимъ изгибомъ не совпадалъ съ путемъ Толстого, у насъ, т. е. внутри насъ, не было чего то важнаго, большаго, цѣннаго?

Альтернатива, которую я не сочинилъ для полемическихъ цѣлей, а вывелъ изъ собственныхъ утвержденій г. Пѣшехонova, неотразима. И, конечно, въ этой альтернативѣ пріемлемъ для меня лишь второй выводъ. Онъ указываетъ все огромное расхожденіе между религіозной мыслью Толстого и безрелигіозной мыслью нашей интеллигенціи.

Пусть Толстой былъ враждебенъ и даже грозенъ духу официальной, государственной и церковной, Россіи (это безспорно); пусть

онъ былъ народникомъ (это тоже безспорно въ извѣстномъ смыслѣ), — этимъ не только не исчерпывается, но даже не опредѣляется ни его духъ, ни его путь. Его духъ былъ напоенъ мыслью о Богѣ, его путь былъ путь религіознаго исканія.

И теперь меня занимаетъ мысль: то общее, не общественное, а *общее* и въ то же время чисто *личное*, интимное возбужденіе, которое произвела въ „людскомъ морѣ“ кончина Льва Толстого. сблизить ли оно „насъ“ съ его духомъ? Сможетъ ли это возбужденіе означать начало внутренняго духовнаго переворота въ жизни нашей интеллигенціи, болѣе того: въ жизни всей сознательной Россіи?

Вотъ о чемъ мы думаемъ, чего мы страстно желаемъ, на что надѣмся.

Толстой, дѣйствительно, не былъ „вождемъ интеллигенціи“. Скорѣе онъ былъ борцомъ противъ ея духа. Какъ бы ни были велики разногласія религіозно-настроенныхъ людей съ Толстымъ, имъ онъ близокъ, какъ живое воплощеніе въ русской жизни религіознаго начала. И когда отъ лица русской „интеллигенціи“ г. Пьсьехоновъ заявляетъ, что „евангеліе у насъ (т. е. у него и его товарищей) было общее съ Толстымъ“, — я

хотѣлъ было радоваться этому заявленію, какъ серьезному исповѣданію *новой* вѣры.

Но я боюсь, что исповѣданіе это, какъ оно ни искренно, не вполне продумано, и что въ немъ сглаживается то глубокое, принципиальное расхожденіе, которое мимовольно, быть можетъ, но тѣмъ болѣе сильно подчеркнулъ самъ г. Пѣшеховъ. И въ этомъ убѣжденіи меня утверждаетъ еще другое признаніе того же автора. Говоря объ уходѣ Льва Толстого изъ Ясной Поляны и характеризуя этотъ уходъ словами Свентоховскаго, какъ послѣдній геніальный аккордъ жизни Толстого, Пѣшеховъ признается:

„Я не знаю, испытывали ли бы мы теперь перешнія чувства (къ Толстому), если бы этого аккорда Толстымъ взято не было... примѣсь опасенія, какая была въ нашемъ чувствѣ, исчезла; осталось одно восхищеніе“.

Да, конецъ Толстого былъ прекрасенъ. Но развѣ его „идея“ нуждалась для того, чтобы явить свою правду, въ этомъ конечномъ „подвигѣ“? И развѣ въ немъ, въ этомъ подвигѣ — въ особенности въ томъ земномъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ г. Пѣшеховъ — мѣрило и оправданіе идеи Толстого? Боюсь, что, присоединяясь къ толстовскому „евангелію мира, братства и любви“, г. Пѣшеховъ, самъ того, можетъ быть, не

разумѣя, присоединяется къ нему внѣшне и поверхностно. Поэтому до ухода Толстого онъ чего-то „опасался“ (чего, этого онъ намъ не говоритъ), а ~~отъ~~ ухода вынесъ только одно чувство — восхищенія передъ личностью Толстого.

Но, конечно, 20 лѣтъ тому назадъ уходя изъ Ясной Поляны былъ бы въ глазахъ Пѣшехонова со стороны Толстого большимъ *личнымъ* подвигомъ, ибо онъ былъ бы подвигомъ земной жизни. Если Толстой въ 1910 году ушелъ изъ Ясной Поляны, то это было прежде всего и по существу дѣйстви́емъ чисто религіознымъ.

Въ декабрьской книжкѣ Русской Мысли былъ помѣщенъ рядъ посвященныхъ Толстому статей лицъ, вовсе не раздѣляющихъ ученія Толстого. Не будучи вовсе единомышленниками Толстого ни въ его социальномъ, ни въ его религіозномъ ученіи, мы чувствуемъ, однако, каждый по своему, нашу глубочайшую и крѣпчайшую связь съ его духомъ, съ идеей, его одушевлявшей. Эта связь не въ признаніи или отрицаніи того или иного внѣшняго порядка жизни, а въ признаніи неоспоримаго первенства внутренней жизни надъ внѣшней, словомъ, въ признаніи религіозной основы личной и общественной жизни. Если была у Толстого какая нибудь основная,

ясная и непререкаемая, идея, которой онъ оставался вѣренъ во всю свою долгую жизнь, то это была именно эта идея. Насъ она подлинно и тѣсно объединяетъ съ духомъ Толстого. . .

Вотъ почему мы съ потрясеніемъ, вызваннымъ во множествѣ душъ его смертью, связываемъ тѣ надежды, о которыхъ рѣчь шла выше. Это — надежды на глубокое *духовное просвѣтленіе личности*, а не просто на то таяніе и колыханіе замерзшаго „народнаго моря“, о которомъ говоритъ г. Пѣшехоновъ. Вѣдь, когда это море было не замерзшимъ, а бушевало во всю, оно было глухо къ голосу Толстого. И, быть можетъ, именно *тогда* оно было къ нему особенно глухо, хотя г. Пѣшехоновъ и называетъ Толстого „нашей совѣстью“. Это — споръ не о томъ, кому принадлежитъ Толстой. Вопросъ тутъ ставится о томъ, въ чемъ же *смыслъ* „одушевлявшей его идеи“ и *къ чему обязываетъ этотъ смыслъ*.

* * *

Если въ статьѣ г. Пѣшехонова чувствуется добросовѣстная внутренняя растерянность передъ огромной личностью отошедшаго Тол-

стого, всецѣло напоеннаго мыслью о Богѣ, — то попытка г. Н. И. Юрданскаго представить Толстого какъ „апостола социальной революціи“¹⁾ производить впечатлѣніе вовсе не растерянности. Здѣсь, наоборотъ, все очень хорошо обдуманно. . .

Долженъ сказать, что я не представлялъ себѣ, чтобы возможна была подобная откровенная фальсификація Толстого. Толстой былъ, конечно, революціонеромъ по отношенію ко всему существующему; но онъ былъ также революціонеромъ и по отношенію ко всѣмъ тѣмъ приѣмамъ и способамъ борьбы съ существующимъ общественнымъ строемъ, которые заключаются въ понятіи „социальная революція“. Онъ не только не былъ пророкомъ социальной революціи, но былъ ея непримиримымъ принципіальнымъ отрицателемъ. Хорошо это или худо, но это просто фактъ, о которомъ непристойно умалчивать и который стыдно затушевывать.

Въ сборникѣ писемъ Толстого есть въ этомъ смыслѣ нѣсколько заявленій, поразительныхъ по ясности и не оставляющихъ никакихъ сомнѣній относительно того, какъ думалъ и чувствовалъ Толстой. Толстой отрицалъ и „существующій порядокъ“ (государ-

---

1) „Левъ Толстой и современное общество.“ Современный Міръ. Декабрь.

ственный и общественно-экономическій), и „соціальную революцію“ не просто какъ факты, а въ самой ихъ идеѣ.

Нельзя поэтому, не извращая существа Толстого, говорить о томъ, что онъ стоялъ въ томъ или иномъ общественно-политическомъ лагерѣ. И если онъ былъ „народникомъ“, то только потому, что онъ — правильно или неправильно — вѣрилъ въ „народную“ душу. Подобно Тертуллиану, который полагалъ, что всякая человѣческая душа есть прирожденная христіанка, онъ думалъ, что „простой народъ“ есть прирожденный христіанинъ въ его смыслѣ. Но въ проповѣди социализма и соціальной революціи онъ видѣлъ совращеніе и развращеніе народа. Если онъ былъ „врагомъ буржуазнаго міра“, то вѣдь и социализмъ онъ относилъ къ этому отвергаемому имъ міру.

Мы можемъ соглашаться или не соглашаться съ Толстымъ въ этомъ его отношеніи къ социализму, это наше дѣло, — но совершенно непозволительно утаивать его истинныя мнѣнія и фальсифицировать его духъ.

Толстой хорошо видѣлъ, въ чемъ „революція“ и его проповѣдь, такъ сказать, прикасались другъ къ другу, и совершенно

ясно высказался о томъ, какъ онъ понимаетъ эти „касанія“ и какъ онъ къ нимъ относится.

„По слабости своей, — пишетъ онъ въ 1906 г. нѣкому Н. Г. С., — я радовался на вашу работу распространенія моихъ мыслей и былъ, и есмь благодаренъ вамъ. Говорю: по слабости, потому что не беру на себя знать, нужно ли, чтобы теперь распространялись мои мысли и даже чтобы онѣ вообще распространялись. Знаю, что мнѣ надо было выражать ихъ, но не больше. Про то же, чтобы сознательно употреблять ихъ на дѣло революціи — насилія, зла — я знаю несомнѣнно, что этого не должно. Знаю, что противовоенныя мои писанія могутъ имѣть значеніе, какъ необходимый выводъ изъ христіанскаго міровоззрѣнія, но никакъ не желаю давать имъ главное — и еще менѣе служебное значеніе для цѣлей не только чуждыхъ, но прямо противныхъ мнѣ. Само собою разумѣется, что желательно, чтобы солдаты не стрѣляли въ братьевъ и вообще въ людей, но чтобы они воздержались отъ этого ради Бога, а не для того, чтобы содѣйствовать революціи, т. е. замѣнѣ одной власти другой. Революціонеры не желаютъ, чтобы солдаты стрѣляли въ нихъ, но едва ли откажутся отъ того, чтобы солдаты стрѣляли въ ихъ враговъ. Они могутъ

съ моими писаніями дѣлать что имъ угодно, я не могу препятствовать имъ въ этомъ, но давать или содѣйствовать имъ — это все равно, что употреблять евангеліе (книжку) на поджогъ деревни“¹⁾.

Въ томъ же революціонномъ 1906 году онъ пишетъ некоему Н. Е. Ф.:

„Судя по вашему письму, думаю, что вы и не замѣтили, какъ давно уже перешли на переводной стрѣлкѣ съ рельсовъ христіанскаго пути на рельсы революціонные, и катитесь по нимъ, воображая, что вы на христіанскомъ пути, въ особенности потому, что печатаете и распространяете книги христіанскаго духа. Вы сравниваете нравственные величины революціонеровъ и правительственныхъ людей. Но вы сравниваете одни числители (это свойство молодости), не знаменатели. А я вижу знаменатели и потому безъ всякаго сомнѣнія знаю, что солдатъ, офицеръ, чиновникъ, губернаторъ, выросшіе на этомъ, кормящіе свою семью и покоряющіеся существующему, т. е. человѣкъ смиренный, съ крошечнымъ знаменателемъ несравненно нравственнѣе г-жи или г-на Х., твердо знающихъ,

---

1) „Письма Л. Н. Толстого 1848—1910 г. г., собранныя П. А. Сергѣенко“, Москва. 1910 г., стр. 306—307.

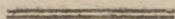
что нужно для блага Россіи, и браунингомъ достигающихъ этого блага.

„Берегитесь, милый Ф., отъ окружающаго васъ гипноза. Христіанину надо жить передъ Богомъ и своей совѣстью, а воздѣйствовать на другихъ не надо и нельзя, потому что онъ не знаетъ и не можетъ знать, что для нихъ хорошо. Вы печатаете мои книги и распространяете ихъ, мнѣ это, каюсь, пріятно, но я не знаю, хорошо ли это, и вамъ слѣдуетъ точно такъ же не знать этого и не класть на это вашихъ силъ. . .

„Людамъ, желающимъ идти по христіанскому пути въ наше время, повѣрка въ отношеніи къ революціи. Нынче же съ вашимъ письмомъ получилъ письмо (прежде уже было нѣсколько такихъ) отъ женщины, которая меня укоряетъ серьезно и горячо за то, что я не пишу о . . . войнѣ, возмущаюсь ея мученіями, не сострадаю ей. Вѣдь это ужасно. Несчастную дѣвушку, которая страшно жалка тѣмъ заблужденіемъ и развратомъ душевнымъ, который довель ее до хладнокровнаго убійства, требуетъ, чтобы не жалѣли за ея физическія страданія. Да если бы она опомнилась, поняла, что она сдѣлала, она просила бы мученій, чтобы чѣмъ нибудь загладить“¹⁾ . . .

1) „Письма“, стр. 305—306. Письмо это напечатано, очевидно, съ погрѣшностями.

Я бы хотѣлъ, чтобы лица, прочитавшія статью г. Іорданскаго о Толстомъ, какъ „апо-
столъ соціальной революціи“, сопоставили ея
содержаніе и духъ съ подлинными заявлені-
ями самого Толстого, заключающимися въ
его „Письмахъ“.¹⁾

---

1) Въ послѣдній моментъ въ мои руки попалъ первый №
новой газеты „Звѣзда“ отъ 16-го декабря 1910, въ которомъ на-
печатана статья Г. В. Плеханова „О Толстомъ“. Рядомъ съ по-
пыткой Н. И. Іорданскаго — изобразить Толстого, какъ соціали-
стическаго пророка, статья Плеханова выгодно выдѣляется от-
кровенностью и внутренней правдивостью. Съ точки зрѣнія
Плеханова Толстой „не понялъ борьбы за переустройство обще-
ственныхъ отношеній, оставшись къ ней совершенно равнодуш-
нымъ“. Это совершенно вѣрно: именно „борьбу“ въ марксист-
скомъ смыслѣ Толстой отрицалъ.

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

СОФІЯ, Ул. 11 АВГУСТА, 4.

Телегр. адресъ: Софія Рубокнига.

ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ:

- П. Н. Милюковъ. „ИСТОРИЯ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“. Въ четырехъ томахъ (1-й вып. 1 т. пост. въ прод.).
- Петръ Струве. „РАЗМЫШЛЕНІЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“. (Пост. въ продажу).
- К. Н. Соколовъ. „ПРАВЛЕНІЕ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА“. (Пост. въ продажу).
- В. В. Шульгинъ. „1920 г.“ Очерки. (Печат.).
- Кн. Евг. Н. Трубецкой. „ВОСПОМИНАНІЯ“. (Печат.).
- „РУССКІЕ СБОРНИКИ“ подъ ред. проф. Э. Д. Гримма и К. Н. Соколова. Книги первая и вторая (поступ. въ продажу).
- „РУССКАЯ МЫСЛЬ“. Ежемѣсячное литературно-политическое изданіе подъ редакціей Петра Струве. (Кн. 1—2, январь-февраль, поступ. въ продажу).

ОТДѢЛЪ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЙ:

- Митрополитъ Антоній. „СЛОВАРЬ КЪ ТВОРЕНІЯМЪ ДОСТОЕВСКАГО“. (Печат.).
- Петръ Струве. „СТАТЬИ О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ“. (Пост. въ продажу).
- С. Булгаковъ. „НА ПИРУ БОГОВЪ“. (Поступ. въ продажу).
- Кн. Н. С. Трубецкой. „ЕВРОПА И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО“. (Пост. въ прод.).

ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ:

- Ал. Блокъ. „ДВѢНАДЦАТЬ“, съ предисловіемъ П. Сувчинскаго (пост. въ продажу).
- Эренбургъ. „ЛИКЪ ВОЙНЫ“ (Во Франціи). (Пост. въ продажу).
- Ю. Никольскій. „ТУРГЕНЕВЪ и ДОСТОЕВСКІЙ“ (Исторія одной вражды). (Пост. въ продажу).
- Е. Н. Чириковъ. „СКАЗКА ПРО МИЛЬДУ И ЗОЙЛУ“. Съ иллюстраціями. (Печат.).
- Г. Д. Уэльсъ. „РОССІЯ ВО МГЛѢ“. (Пост. въ продажу).

СКЛАДЫ РОССІЙСКО-БОЛГАРСКАГО КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА ЗАГРАНИЦЕЙ

- Парижъ.** J. Povolotzky et C-ie; 13, rue Bonaparte.
Книжная лавка „Зеленая палочка“, 31, rue de Richelieu.
- Ницца.** Nossovitch; 33, Bd. Gambeta.
Книжный магазинъ Гозанова, Rue Long-champs, 7.
- Женева.** Librairie W. Menkès, 3, rue de Carouge.
- Римъ.** Libreria Russa „Slovo“, 18, Piazza del Popolo.
- Лондонъ.** A. Palibin, 18, Queen's Gate Place.
- Берлинъ.** Russische Buchhandlung, H. Sachs, Wilhelmstr., 20.
- Вѣна.** Iacob Persky, Währingerstr., 5/26.
- Прага.** „Наша Рѣчь“, Катеринска, 40.
- Бѣлградъ.** Книжный магазинъ „Русская Мысль“, улица Краля Милана, 12.
- Аѳины.** Librairie Eleftheroudakis et Barth.
- Кишиневъ.** Н. Авербухъ, ул. Гоголя, 20.
- Нью-Йоркъ.** Preboy Book Company, 411, Grand Street.
- Констан-ль.** М. Benediktoff, „Presse du Soire“, Asmali Medjid, 35.

